

В. Д. Рак. Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). Сборник статей.— СПб.: Академический проект, 2003.— 526 с.

ISBN 5-7331-0252-7

Сборник статей одного из крупнейших российских пушкинистов подводит итоги его тридцатилетней работы. Виртуозный текстологический анализ, глубокое проникновение в творческую лабораторию исследуемых писателей, скрупулезный учет всех возможных источников, биографического контекста, широкая историко-литературная перспектива — все это делает книгу В. Д. Рака заметным явлением в филологической науке.

Демонстрируя не исчерпанные возможности академического литературоведения, автор в то же время показывает, как «несущественные», на первый взгляд, «мелочи» могут стать основанием для пересмотра устоявшихся концепций

О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов

(вместо предисловия)

Сборник моих написанных в разные годы статей, в большинстве пушкиноведческих, выходит в то время, когда в очередной, трудно даже сказать какой уже за полтора века своего существования раз академическое пушкиноведение, которому я принадлежу, подвергается ожесточенным нападкам и старательно дискредитируется всеми способами, чтобы вытеснить его из общественного внимания и заполнить освободившееся место разного толка пушкинистикой (публицистической, субъективно-импрессионистической, концептуально-интерпретационной, эзотерической, генитально-сексологической и прочая и прочая), относящейся не к науке, а к критике, *неизучающей* Пушкина в различных аспектах его биографии, творчества, разнообразных его связей и разновременных его восприятий, но *учащей*, как в свете ныне превалирующих общественных веяний и устремлений следует читать его произведения, что из них вычитывать и в каком человеческом облике его себе представлять. Нападки и насмешки сопровождаются пушкиноведение с первого момента его возникновения как *научной* дисциплины. Несколько десятилетий назад в докладе «Основные этапы изучения Пушкина», произнесенном (4 июня 1956 г.) по случаю пятидесятилетия Пушкинского Дома, Б. В. Томашевский сказал по поводу этого конфликта следующее: «... в течение всего XIX века, а может быть и в более позднее время, ¹ в оценках Пушкина борются два принципа: принцип исторический, заставляющий рассматривать произведения Пушкина только в обстановке его времени, и другой — принцип современности, заставляющий применять к Пушкину только критерии нового времени, ставящие один вопрос — чем

¹ Осторожный эвфемизм, подразумевающий советскую эпоху.

является Пушкин на сегодня, для нового поколения. Это столкновение критериев происходит всякий раз, когда возникает вопрос о так называемом классическом наследии, обладающем непреходящей ценностью. Если эти критерии не примирить, то и в том и в другом случае происходит недоразумение. Либо историк превращает Пушкина в музейный объект, либо критик модернизирует творчество Пушкина, искажая подлинный смысл его творчества. Между тем всегда можно читать Пушкина „новыми глазами”, не забывая о его историческом бытии». ²

Принцип «золотой середины» и сотрудничества, сформулированный выдающимся нашим ученым, безупречен методологически, но применять его на деле оказалось способно лишь академическое пушкиноведение, понимающее необходимость отсеивать, интегрировать в свой состав и адаптировать те наблюдения, оценки и выводы пушкинистики текущего момента, которые обнаруживают какие-то прежде незамеченные или недостаточно внимательно рассмотренные и осмысленные стороны реального, исторически достоверного, а не выдуманного Пушкина. Но пушкинистике утилитарной и коммерческой, пошедшей «в люди» обслуживать разные сегодняшние, злободневные идеологические, политические, художественные, литературные и прочие, включая клубничные, интересы, такой Пушкин не нужен. Адепты подобного восприятия Пушкина обращаются к нему с определенной узкой целью, ставшей очевидной еще в дни первого пушкинского юбилея в 1899 г. «Все литературные, философские и политические лагеря стараются привлечь к себе имя Пушкина, — говорил тогда епископ Антоний. — С какою настойчивостью представители различных учений стараются найти в его сочинениях или, по крайней мере, в его частных письмах какую-нибудь, хотя маленькую, оговорку в их пользу. Им кажется, что их убеждения, научные или общественные, сделаются как бы правдивее, убедительнее, если Пушкин хотя бы косвенно и случайно подтвердил их». ³ То же происходило и в течение всего последовавшего столетия, чему и подвели итог в преддверии вторых государственных торжеств по случаю дня рождения нацио-

² Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. Материалы к монографии (1824–1837). С. 446–447.

³ Антоний [Храповицкий А. В.]. Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г. // Речи о Пушкине, 1880–1960-е годы / Сост., подгот. текстов и коммент. В. С. Непомнящего и М. Д. Филина. М., 1999. С. 97.

нального поэта, чей гений за истекший век приобрел в сознании многих ищущих для себя твердой духовной опоры вселенские масштабы: «Подлинный космос русской жизни („Пушкин — наше все”, — по известному слову Аполлона Григорьева) Пушкин впитал и в свою очередь насытил все ее сферы и стихии. Русские государственники и монархисты столь же сочувственно цитировали одни строки Пушкина (например, „Клеветникам России”), как республиканцы и „граждане мира” — другие. Атеисты могли ерничать, приводя его молодую, задорную „Гавриилиаду”, а сподобившиеся религиозной осанной читать великопостную молитву Ефрема Сирина поздними пушкинскими стихами „Отцы пустынники и жены непорочны...”». ⁴

Такой пушкинистике нужен Пушкин, складывающийся из цитат и преднамеренной выборки произведений и фактов, а потому в лучшем случае односторонний, в худшем (и, к сожалению, обычном) — отретушированный, но скособоченный. «Каждое время, каждое идейное течение норовит приспособить духовный мир Пушкина к своим потребностям, — констатирует современный исследователь, сам платящий этому дань, и далее объясняет методологическую основу и механизм создания таких интерпретаций. — Это общеизвестно, и этому способствует живая эволюция пушкинского сознания, а также то, что сам поэт в своих высказываниях — художественных, публицистических или интимно-эпистолярных — не стремится сводить концы с концами и создавать некую стройную и завершенную концепцию. Так что можно находить разные цитаты в поддержку разных позиций: консервативных, религиозных, атеистических, либеральных и даже революционных. К тому же из-за того, что более полутора десятилетия Пушкин оказывался на переднем крае идеологических состязаний, про-

⁴ Скотов Н. Н. Драма одного издания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. М.: «Воскресенье», 1995. Т. 10. С. 494). О переосмыслении образа и творческого наследия Пушкина в разные исторические периоды и эпохи см.: Муравьева О. С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 113–133. Статья кончается метким замечанием о том, что «невозможно сказать, каким будет Пушкин XXI в. — это зависит от того, какими будем мы» (с. 133); однако на ближайшее время уже можно довольно уверенно диагностировать тяжелую, продолжительную болезнь, одним из симптомов которой является расцветшая «целая индустрия „прочтений” А. С. Пушкина, приспособлений его к куцым по самой природе своей идеологиям» и нуждам политических партий (Ткаченко П. И. Таганрогский «архив Пушкина» или будет ли в России революция в 1998 году? // Моск. журнал. 1998. № 6. С. 11).

исходило не только многообразное искажение его мысли, но и деформация самих его текстов и их состава...».⁵

Напротив, академическое пушкиноведение владеет всей совокупностью написанного Пушкиным (завершенными и опубликованными при жизни самим писателем произведениями, набросками, оставленными в черновиках, замыслами и планами, дневниками, перепискою, всевозможными записями, деловыми бумагами и пр.) и всей суммой фактов и сведений, образующих биографический, исторический, литературный и др. контексты его творчества. Именно этим оно антипатично всем преходящим и сиюмоментным пушкинистам, претендующим по отдельности на, разумеется, последнее, истинное и окончательное слово; оно раздражает их и опасно им тем, что хранит факты и сведения, которые для цельности и убедительности герменевтических и других построений не хотелось бы замечать, может задать неудобные вопросы, которых желательно было бы избежать, и не торопится признать каждую из них единственно и бесспорно правильной.

Подсмеивались над академическим пушкиноведением наши революционные демократы XIX века (тогда оно называлось «библиографическим»). Не жаловала его, спорила с ним, выражая свое несогласие в культурных, интеллигентных формах, сформировавшаяся на оппозиции этим кумирам своего времени так называемая русская философская критика — Д. С. Мережковский, В. С. Соловьев, И. А. Ильин, и другие наши мыслители, чьими трудами, как сейчас признается, «в канун нового века и новой культурной эпохи <...> был осуществлен подлинный культурный прорыв в философском осмыслении Пушкина».⁶ Резко высказывались о нем некоторые эмигранты, желавшие видеть в Пушкине своего «учителя жизни». «Возникла в свое время целая наука о Пушкине, числящая немало замечательных знатоков и давшая существенные положительные результаты, — говорил К. И. Зайцев. — Но в ее составе, и это чем дальше, тем больше, развивается такая наукообразная мертвечина, что от Пушкина остается своего рода живой труп».⁷ Он же в другой раз: «На пути познания

Пушкина как национального явления стоят две трудности, две опасности. Первая — это специальная пушкинская литература. Пушкин рассечен на части, анатомирован, лабораторно исследован. Каждая частица его лежит в растворе толкований и вариантов. Пушкин, как целое, падает жертвой технологии слова и стиха...».⁸ Особенно не любили академическое пушкиноведение ВКП(б), она же впоследствии Коммунистическая партия, и советская власть, приложившие немалые старания к тому, чтобы сначала его нейтрализовать, а затем свести к минимуму, заменив научную объективность принципом партийности, т. е. угодливым талдычаньем и хитроумной, находчивой «разработкой» спускаемых сверху идеологических «установок». Хрестоматийный пример — запрещение И. В. Сталиным издавать «большое академическое» «*Полное собрание сочинений*» Пушкина с комментариями. По поводу обширного, фундаментального и сугубо позитивистского, деидеологизированного справочного аппарата к «пробному» тому этого издания было сказано, что «советские люди хотят читать Пушкина, а не пушкинистов» (по другой версии: «Кого мы, в конце-концов, издаем — Пушкина или пушкинистов?»).⁹ Руководящее указание вождя было принято к немедленному и безусловному исполнению тогдашним наркомом просвещения и по должности заместителем председателя Всесоюзного Пушкинского комитета А. С. Бубновым, который информировал общественность: «Были задержки с выпуском академического Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Некоторые из подготовленных томов пришлось вернуть для переработки. Книги были непомерно перегружены комментариями и примечаниями, которые не только не облегчали изучение сочинений поэта, а наоборот затрудняли это изучение и даже направляли по неверному пути (здесь и зарыга собака! Курсив мой. — В. Р.). Советскому читателю не нужны такие псевдонаучные „комментарии“, которые подменяют действительное изучение Пушкина, его замечательной жизни и гениального творчества ковырянием в малосущест-

⁸ А. С. Пушкин: Pro et contra: Антология / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб., 2000. Т. 2. С. 14.

⁹ См.: *Домгерр Л. Л.* 1) Советское академическое издание Пушкина // *The New Review* = *Новый журнал*. 1987. Кн. 167. С. 239; 2) Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина, 1937–1949 гг.: (Материалы и комментарии) // *Записки русской академической группы в США*. 1987. Т. 20. С. 297. На утверждение представлялся том: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7. Драматические произведения.

⁵ *Сквозников В. Д.* Державность миропонимания Пушкина // *Пушкин и теоретико-литературная мысль: [Сб. ст.] / Редкол.: Ю. Боров и др. М.: ИМЛИ-Наследие, 1999. С. 205.*

⁶ *Сурат И. З.* Пушкинский юбилей как заклинание истории // *Нов. мир*. 2000. № 6. С. 181.

⁷ Цит. по статье: *Филин М. Д.* Кто есть кто в науке о Пушкине // *Рус. речь*. 1996. № 3. С. 9.

ственных мелочах личной жизни и разными по этому поводу догадками. Нам нужен подлинный Пушкин во всем блеске его художественного гения, в его великой славе создателя русского литературного языка и родоначальника русской литературы,¹⁰ друг декабристов и любимый поэт народов Союза Советских Социалистических Республик.¹¹ Здесь все было клеветой: комментарий на тот момент существовал только к «пробному» тому, и как раз в нем не было никакого «ковыряния» в мелочах жизни поэта, так как материал к этому повода не давал. Но задвижка фонтана была открыта — филиппики и насмешки полились мощным потоком. Полный свод обличений академического пушкиноведения в советское время и вылитой на него клеветы составил бы солидный, но однообразный по содержанию том. Немало впечатляющих типических примеров привел С. А. Фомичев,¹² немало есть и других, заслуживающих того, чтобы их напомнить. Так, русский советский литературовед и публицист (по определению «Краткой литературной энциклопедии»), в 1906–1909 член РСДРП, большевик, в 1920-е годы «сменовеховец», высланный за границу, но вымоливший прощение, принятый в партию и отработывавший оказанное ему доверие на посту заведующего отделом литературы и искусства газеты «Правда», И. Лежнев оживил брошенную десятилетием ранее В. В. Маяковским в стихотворении «Юбилейное» (1924) хлесткую фразу «Бойтесь пушкинистов» и с должным негодованием по их адресу сообщил, что в подготовленном С. М. Бонди к печати четвертом томе академического издания Пушкина «сейчас производится сокращение комментариев», которых приходится 60 листов на 15 листов пушкинского текста.¹³ Не преминуло лягнуть пушкинистов и светило советской поэзии, провозгласившее на торжественном заседании в Большом театре 10 февраля 1937 г.: «Мы хотим полно и весело жить. Мы ничего не боимся в жизни. Никакие трудности нас не пугают. Пусть же с нами будет постоянным спутником Пушкин, не тот, что стоит в бронзе памятника, не тот — академический в тоге примечаний и комментариев, а веселый, добрый и мудрый, из своего далекого прошлого сказавший слово приветия людям сегодняшнего дня: „Здрав-

¹⁰ Формулировки из постановления ЦИК СССР об учреждении Всесоюзного Пушкинского комитета в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина, 16 декабря 1935 г.

¹¹ Правда. 1936. 17 дек.

¹² Фомичев С. А. Служенье муз: О лирике Пушкина. СПб., 2001. С. 185–189.

¹³ Лежнев И. Каста пушкинистов // Большевицкая печать. 1936. № 10. С. 17–18.

ствуй, племя / Младое, незнакомое...».¹⁴ Немного позже штатный погромщик Д. И. Заславский, бывший меньшевик и бундовец, выслуживавший себе прощение за прошлые грехи, опять бросил в широкие массы хлесткий лозунг Маяковского, озаглавив им свою статью, напечатанную в центральной партийной газете и получившую тем самым значение спущенной сверху для обязательного исполнения директивы.¹⁵ Незамедлительно последовали бодрые рапорты об исправлении допущенных ошибок, на что потребовался лишь один год: «Несомненным достижением юбилейной пушкинианы является стремление литературоведов и критиков преодолеть типичное для старой академической науки крохоборчество, ликвидировать подмену изучения биографических и творческих вопросов публикацией всякого рода мелочей».¹⁶ Напомнив некоторые из этих эпизодов истории пушкиноведения, Н. Н. Скатов заключил: «Решили издавать Пушкина без пушкинистов. Знаменитая фраза „Бойтесь пушкинистов“ обрела самый зловещий смысл именно потому, что „пушкинистов“ перестали бояться».¹⁷ Завершая этот необходимый для понимания нынешнего состояния дел беглый экскурс, достаточно еще сказать, что, согласно бытующим в устной передаче сведениям, распоряжение, исходившее от М. Б. Храпченко, партийно-академической VIP советского времени, на долгие годы закрыло пушкиноведам доступ к рукописям поэта, чтобы, не вычитывали там ничего расходящегося с утвержденным в качестве канонического.

В нынешнем хоре, поюшем отходную академическому пушкиноведению, громче всех звучат голоса иконописцев-проповедников — тех, кто исполняет бесконечные громогласные вариации на темы философской критики, обильно пользуясь ее фразеологией, но вместе с тем претендуя на самостоятельность и оригинальность.¹⁸ Они творят

¹⁴ Тихонов Н. С. О Пушкине // Речи о Пушкине. С. 197.

¹⁵ Заславский Д. И. Бойтесь пушкинистов // Правда. 1939. 11 сент.

¹⁶ Мейлах Б. С. Пушкинский год // Лит. газета. 1938. 10 февр.

¹⁷ Скатов Н. Н. Драма одного издания. С. 498.

¹⁸ Характерно признание В. С. Непомнящего: «...спустя немало лет <после публикации в 1965 г. статьи о «Памятнике» — В. Р.> познакомившись как следует с дореволюционной и эмигрантской литературой, я с удивлением стал замечать, что продолжаю — порой до полного совпадения — традицию русской религиозной философии (Франк, Ильин и др.). А получилось так, думаю, потому, что текст Пушкина я с самого начала воспринимал как прежде всего факт жизни, факт судьбы, а не словесности только» (Этой тишины не послушаться: Валентин Непомнящий в беседе с Алексеем Варламовым // Лит. газета. 2001. 11–17 апреля. № 15 (5830). С. 11. В дальнейшем ссылки на это интервью: ЛГ. 2001. № 15).

образ Пророка, «которому волею Промысла суждено было, пережив и испытыв мучительные соблазны наступающего неоязычества, преодолеть их и заложить традицию русской светской культуры как культуры православной».¹⁹ «Прилипнув» к Пушкину, «как Братец Кролик к Смолянному чучелку» (ЛГ. 2001. № 15), в этой неудобной позе, ограничивающей кругозор и не позволяющей увидеть ни полного образа, ни деталей обожаемого кумира, они то молитву ему возносят, то проповедуют на тексты его писаний, то срываются на инвективы по адресу «языческой» (по старой, т. е. славянофильской и советской, фразеологии, — «гниющей») и одновременно «рождественской» (неплохой оксюморон!) западной культуры, введшей в греховный соблазн русского человека, чья культура имеет православные, «пасхальные» корни, то в духе В. В. Ермилова ставят русскую литературную классику на службу обличению американского империализма. Антиакадемическому мотиву отводится ими важное звучание.

Старая мелодия преподносится в модернизированной аранжировке и с новым, под нее написанным либретто. Вопиют о «методологическом кризисе в пушкиноведении», который «особенно очевиден на фоне возрастающей общенациональной потребности в целостном образе Пушкина как одной из ключевых и духовных ценностей, имеющей жизненное, „спасительное“ (И. А. Ильин) значение в переживаемую ныне Россией смутную эпоху». Первопричина кризиса лежит, по их убеждению, в том, что академическое пушкиноведение несет на себе полученную еще при его возникновении метку дьявола, злокачественное родимое пятно, а именно «генетическую печать» детерминистского эмпиризма, лишившую его способности «уловить целостный образ столь сложного явления», как Пушкин, «его глубинную, онтологическую суть, его внутреннее движение, его, выражаясь современным языком, алгоритм». Поставив во главу угла «комментаторский подход» и «достигнув в своей „материальной части“ (а все материальное, напомним от себя, греховно и дьявольский соблазн! — В. Р.) выдающихся успехов, накопив богатейшие знания, сыграв громадную роль в создании научного фундамента и исследовательского инструментария для построения целостного представления о явлении Пушкина — его природе, его внутренней структуре и динамике, его духовной сущности, национальной роли, месте и значении в исто-

рии, — само к этой цели не приблизилось, поскольку, в сущности, и не ставило ее перед собой».²⁰

На это пушкиноведение, предавшееся, как утверждают, нескончаемому накоплению фактов с тщетной надеждой на то, что «если как можно более пристально исследовать как можно большее количество частей, то представление о целом возникнет едва ли не само собой»,²¹ возлагается вина и за внедрение в сознание советских людей Пушкина «в топорном облике, вызывавшем порой отвращение», именно — интернационалиста, служащего «инструментом стирания культурных различий между нациями и народами», вольнодумца, врага царизма, готового стать в ряды мятежников, исповедовавшего принцип «морально все, что на пользу революции», но также лицемера и двурушника, который «заигрывает с царем и одновременно революционно подмигивает декабристам», вольтерьянца, материалиста и атеиста, чей круг интересов включал «все что угодно — от политики, истории и экономики (Маркс и Энгельс оказывали ему честь, читая про Адама Смита и „простой продукт“) до „дней минувших анекдотов“, от женских ножек до положения американских индейцев, — решительно всё, кроме *последних вопросов бытия*, которые и есть вопросы собственно религиозные». Распространяемая «„интернациональным“ по методу и социалистическим по содержанию» пушкиноведением той эпохи «вся эта ложь, как вольная, так и невольная, то есть по убеждению, заставляла, учила и в самом поэте видеть лицемера. Он у нас бесконечно что-то скрывал, недоговаривал, прятал от цензуры, беспрестанно как-то ухмылялся, юлил и двоедушничал. Как только ему взбрело в голову сказать что-нибудь не укладывающееся в классово-марксистские головы, — подозревалась военная хитрость, охотники кидались к черновикам, ища там то, что могло их устроить. В сущности, беловому тексту Пушкина не очень доверяли: впереди отточенного и совершенного беловика то и дело ставились черновые строки, менее точные или менее многозначные, отброшенные автором, а впереди текста — „подтекст“, который удавалось вчитать; то есть процесс творчества толковали попятно, а „жало мудрых змей“ превратили в обыкновенный эзопов язык. <...> Так что кризис в пуш-

²⁰ От редакторов // *Пушкин А. С.* Собр. соч.: Худож. произведения, критич. и публицистич. труды, письма, рисунки, пометы и деловые бумаги, размещенные в хронологическом порядке. / Общая ред.: В. С. Непомнящий. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. Т. 1. С. 5–6.

²¹ Там же. С. 6.

¹⁹ *Непомнящий В. С.* Послесловие // *Юрьева И. Ю.* Пушкин и христианство: Сб. произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М., 1998. С. 247.

киноведении должен был настать, не мог не настать, трава и камень пробивает. Только это вовсе не кризис „пушкинистики как таковой” — это кризис пушкинистики позитивистской, не ориентированной на „высшие ценности”. И то, что он настал, вселяет надежды».²²

Понятно и легко объяснимо горячее желание автора этой вырвавшейся из глубины сердца обличительной тирады²³ (отнюдь не единственной такого рода в нынешней научной и массовой печати²⁴) поспособствовать скорейшему претворению в жизнь своих заветных надежд, идентичных помыслам идеологических органов советской эпохи, а выраженных едва ли не языком К. И. Зайцева (прекрасный симбиоз получился!). Однако и для этой благородной цели негоже уподобляться А. С. Бубнову и передергивать, намеренно и без стеснения, понятия, возлагая всю тяжесть «грехов» советского пушкиноведения на его позитивистскую (академическую) ветвь — именно ту самую, которая, в лице своих лучших представителей, старалась — и небезуспешно, хотя ценою неизбежных компромиссов — сохранить в тяжелые годы идеологического диктата ВКП(б) — КПСС максимально возможную в тех условиях историко-литературную объективность и за это не только презиралась идейно выдержанными товарищами, ориентированными на «высшие ценности» той эпохи, но, как было показано выше, насильственно отчуждалась от читателей, подвергаясь даже прямому запрету. Не должны обманывать и реверансы в сторону академического пушкиноведения, которых не делали в 1930-е годы ни Бубнов, ни Лежнев, ни Заславский. Эти похвалы суть не более чем выработанные в позднейший, не столь оголтелый период советского времени ритуальные формулы проработок, начинавшихся с обязательного признания достоинств товарища имярек и большой проделанной им работы, за чем следовал полный разгром и уничтожение. Вместе с тем они создают забавный парадокс: оказывается, превосходной базой, на которой единственно может пушкинистика,

²² *Непомятый В. С.* Пушкин. Русская картина мира. М., 1999. С. 11–13.

²³ «Могут сказать: я упрощаю и огрубляю, — допустим. На душе накоплено». (Там же. С. 13).

²⁴ Ср.: «Советские специалисты, обогатив пушкиноведение ценными трудами, вместе с тем вследствие семидесятилетних усилий сделали поэта апологетом материализма, атеизма, декабристской революционности, неизлечимым вольтерьянцем, сделали это ценой тенденциозно выборочного монтажа отдельных высказываний, иногда к тому же препарированных» (*Сквозников В. Д.* Державность миропонимания Пушкина. С. 206).

ориентированная на «высшие ценности», создать «целостный образ» поэта, она обязана беспринципным ученым, не только уклонявшимся от этой задачи, но сделавшим все, чтобы его сознательно замутить и расщепить на мелкие фрагменты, для чего беспардонно искажали собранные ими же материалы, выпячивая одно и замалчивая другое.²⁵ Но если их целью было угодить официальной пропаганде, нарисовав Пушкина «в топорном облике», зачем же они старательно выискивали и публиковали то, что взрывало возводимое ими здание и создавало почву для будущих тяжелых обвинений, чего они не могли не понимать? Ответ может быть один: они руководствовались принципом позитивистской добросовестности и объективности, а ученый, его придерживающийся, не способен на ложь и подлог. Наконец, невыполнение задач, которые академическое (позитивистское) пушкиноведение себе не ставило, не является признаком его «исторического, возрастного, методологического» (ЛГ. 2001. № 15; диапазон расширяется!) кризиса. Он может наступить, если это пушкиноведение обнаружит неспособность перестроиться на новые цели, когда прежние уже достигнуты или, хотя весь путь до них еще не пройден, но ни наука, ни общество более в них не нуждаются. Можно ли сказать, что такое положение уже сложилось: что источниковедческая база пушкиноведения полностью исчерпана и приведена в идеальный порядок? что решены окончательно все текстологические проблемы? что издано и нуждается лишь в стереотипных допечатках подлинно академическое полное собрание сочинений Пушкина с фундаментальным справочным аппаратом? что ничего не осталось в произведениях Пушкина неясного, требующего нового комментария или уточнения либо даже кардинального пересмотра имеющегося? что все благополучно обстоит с пушкинской библиографией? — и немало других «что», ни на одно из которых нельзя сегодня ответить категорически утвердительно. Не случайно ни в одном заявлении о кризисе академического пушкиноведения эта сторона никак не затрагивается, потому что стоит ее коснуться, как сразу выяснится, что в пушкиноведении остается еще обширное поле для позитивистской работы. Если же именно так обстоит дело (а данный сборник издается, в частности, с намерением

²⁵ Происходит нечто подобное тому, что имело место в марксистских курсах истории литературы, где все писатели до чего-то не доросли и чего-то недопонимали, а в результате получалось, что великую мировую литературу создавали ограниченные люди. Это остроумное наблюдение принадлежит моей покойной научной руководительнице, профессору ЛГУ Е. И. Клименко.

представить этому подтверждение), то нелишне помнить, что хотя Александр Македонский (пушкинистика, ориентированная на «высшие ценности», «онтологическую суть», «алгоритм», «целостный образ») и герой, но стулья (академическое пушкиноведение) ломать не нужно, потому как от этого казне (всей «пушкинистике как таковой») убыток произойдет.

Как будут развиваться события, если исчезнет академическое пушкиноведение, предвидеть легко, наблюдая современные тенденции.

Сбросив с пьедестала Пушкина советского — «интернационалиста», «вольнодумца», «материалиста», «атеиста», «неизлечимого вольтерьянца», «врага царизму» и пр., водрузят на его место безапелляционно Пушкина — набожного русского человека, верноподданного монархиста, противника демократии, добропорядочного семьянина и гиганта мысли. Этот Пушкин, не лишенный, как и его советский предшественник, реальных черт, представленных в искажении, будет столь же, как и он, «топорным» и быстро начнет вызывать протест, порождая свои отрицания. Возникнут (да и уже существуют) другие «целостные» Пушкины, а исторически подлинный облик поэта скроется под их густыми наслоениями и начнет становиться неразличимым.²⁶

Новое «философское» пушкиноведение, отливающее в бронзе «целостного» Пушкина в виде «национального мифа, вмещающего весь космос народного духа со всеми его оттенками»,²⁷ и явления «сверхлитературного масштаба»²⁸, будет жестко идеологизированным²⁹ и претендующим на монопольную истину.³⁰ Повторяя в разных вариациях одно и то же и чувствуя необходимость разнообразить свою ри-

²⁶ Столь сложное «явление» (говоря словами В. С. Непомнящего), как Пушкин, у которого могут найти поддержку самые полярные позиции, складывается из такого огромного числа разнохарактерных элементов, что синхронное восприятие всей их совокупности создаст не «целостный образ», а впечатление массы рассеивающих внимание фрагментов. Для создания такого образа необходимы отбор и группировка, что неизбежно ведет к возникновению множественности.

²⁷ *Непомнящий В. С.* Пушкин через двести лет // Лит. газета. 1999. 2 июня. № 2 (5745). С. 10.

²⁸ От редакторов. С. 6.

²⁹ «Когда говорят, что у меня, мол, жестко, идеологично, как у Достоевского, я теряюсь, огорчаться или наоборот». — В. С. Непомнящий в интервью «Этой тишины не наслушаться» (ЛГ. 2001. № 15).

³⁰ «А свою веру вы считаете единственно верной? — Ну какая же это вера, если она не считает себя единственно верной?» — Там же.

торику, оно все чаще будет скатываться к злободневным политическим пассажам, наметки которых уже появляются. В статье Непомнящего «Пушкин через двести лет» читаем: «Жутковато и одновременно смешно сказать: сама мировая обстановка нынешних предъюбилейных дней сложилась в рифму с пушкинскими трудами и размышлениями. Если бы Лукреция дала Тарквинию по физиономии и прогнала (как поступила Наталья Павловна с графом), то, пишет Пушкин, мир и история мира были бы не те. Может быть, не я один задаюсь нынче вопросом: не будь походов «нового Тарквиния» из Белого дома и всего последовавшего за этим в заокеанской „империи добра” — творилось ли бы сейчас на Балканах то, что творится, звучали ли бы с такой кровавой актуальностью „Песни западных славян”?» Отсюда — прямой путь к литературоведению à la Ermiloff, который писал в свое время: «Образы, созданные Гоголем, оживают в наши дни, служат современной героической борьбе народов за свободу и мир на земле. <...> Железный палец Вия, протянутый из-за океана, не испугает народы! <...> Не удастся господам, в чьей груди денежная шкатулка вместо сердца (вот она, „языческая”, „рождественская” культура! — В. Р.), утвердить на земле царство мертвых душ, плюшкинский могильный „новый порядок” на американский лад. Не удастся заморскому Вию запугать народы мира».³¹

В эмпиреях «высших ценностей» все земное кажется мелким, ничтожным, не стоящим внимания и трудов. Последнее ярко проявилось при попытке издать собрание сочинений Пушкина в хронологическом порядке, амбициозное предисловие к которому много цитировалось выше.³² Нужно очень глубоко «влипнуть» в боготворимого поэта или вознестись в горнии сферы, чтобы, печатая в послании «К Н. Я. Плюсковой» стих «Свободу лишь учась славить» и помещая на параллельном развороте уменьшенный снимок автографа, не заметить, что там он читается «Природу лишь умея славить»,³³ и не объяснить, что Пушкин слегка «порозовел» по воле М. А. Цявловского, «улучшившего» текст вариантом из неавторитетной копии. Насколько далеки взявшиеся за это предприятие «философствующие пушкинисты» от эдической практики и насколько не понимают они, в частности, смы-

³¹ Лит. газета. 1999. 2 июня. № 2 (5745). С. 10; *Ермилов В. В.* Н. В. Гоголь. М., 1952. С. 79–80, 295.

³² Верную оценку вышедшего первого тома см.: *Ларионова Е. О.* [Рецензия] // Новая русская книга. 2001. № 2. С. 25–27.

³³ *Пушкин А. С.* Собр. соч.: Худож. произведения [и др.], размещенные в хронологическом порядке. Т. 1. С. 322–323.

сла и правил фототипического воспроизведения рукописей, можно судить по тому, в каком виде представлены в этом издании автографы Пушкина: некоторые, черновые, испещренные зачеркиваниями, но притом читаемые, превратились здесь в черное месиво, вполне соответствующее цвету Смоляного чучелка в восприятии к нему «прилипшего» человека,³⁴ другие, беловые, из написанных аккуратно и разборчиво стали трудно понимаемыми даже для натренированного текстолога.³⁵

Оставленные без хозяйского глаза несущие конструкции ветшают, и зданию грозит разрушение. Тексты пушкинских произведений заполнятся постепенно разного рода ошибками, которые, накапливаясь, рано или поздно перейдут в качество. Одни сочтут необходимым исключить из корпуса произведений что-нибудь представляющееся им неуместным по идеологическим, художественным или иным соображениям,³⁶ другие неверно прочтут автографы и придадут водевильным куплетам смысл эпиталамы³⁷ или заставят Голиафа бегать от Давида,³⁸ а того — плясать на прахе Графа,³⁹ кто-то заменит слово кажущимся ему более подходящим, и оно пойдет гулять по всем изданиям, как случилось со словом «свобода» в стихотворении «К Н. Я. Плюсковой», кто-то неточно процитирует Пушкина, и это закрепится в научном и читательском обиходе,⁴⁰ кто-то продолжит традицию составлять из черновых незавершенных набросков закон-

³⁴ См., например: Там же. С. 293, 297, 321 и др.

³⁵ См., например: Там же. С. 146, 190 – 192, 208 и др.

³⁶ Например, в редколлегию нового академического «Полного собрания сочинений» Пушкина поступали предложения не включать в него «Гавриилиаду».

³⁷ Так случилось со стихотворением «Будь подобен полной чаше...» (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Общая ред. и вступ. ст. Н. Н. Скатова. М., 1999. Т. 1. С. 553.

³⁸ Предлагаемая конъектура в эпиграмме «Певец Давид был ростом мал...» (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. худож. произведений: [В 1 т.] / Сост. и подгот. текстов С. В. Денисенко и др.; Ред. С. А. Фомичев. СПб.; М., 1999. С. 630.

³⁹ Другая предлагаемая конъектура в той же эпиграмме (см.: Фолицев С. А. Служенье муз. С. 10).

⁴⁰ «Однажды на одной из пушкинских конференций я провел такой эксперимент: в течение часа-полтора скрупулезно отмечал ошибки при цитировании Пушкина, причем в большинстве случаев докладчики читали не наизусть, а с листа. Результат был удручающ: примерно каждые шесть минут допускалась неточность». (Перцов Н. В. Пушкин в современной журналистике и филологии // Моск. пушкинист. М., 2001. Вып. 9. С. 30).

ченные произведения и станет их включать в корпус сочинений поэта. Будут появляться — чем дальше, тем чаще — и фальшивки, вроде грязных эротических фантазий М. И. Армалинского, напечатанных им за границей под именем Пушкина и недавно изданных в Москве для удовлетворения «весьма великой», оказывается, у нас «во все времена» «потребности в сексуальном мифе и сексуальном герое при всеобщей российской неудовлетворенности в этой сфере — не на деле, но в мыслях».⁴¹ Другой пример — якобы хранящиеся в Таганроге и где-то в Сибири «философические таблицы» поэта, которые прекратили «раскручивать» в печати только, наверное, потому, что не состоялась «предсказанная» в них революция, долженствовавшая произойти в России в 1998 году.⁴² И если даже опытейшие знатоки пушкинского почерка были в свое время введены в заблуждение псевдопушкинским автографом,⁴³ то каким-то из грядущих подделок, прежде всего соответствующим критериям «высших ценностей», удастся, конечно, приобрести статус подлинных фактов, событий и произ-

⁴¹ Воздвиженская О. Чей Пушкин? // Тайные записки А. С. Пушкина, 1836–1837: Пер. с фр. / Публ. М. Армалинского. М.: «Ладомир», 2001. С. 12. Не может не вызывать удивления и сожаления тот факт, что два экземпляра этой стряпни были еще в 1997 г. выписаны библиотекой Президентской России (см.: Воронцов А. В. От редакции // Моск. журнал. 1998. № 6. С. 13).

⁴² Список публикаций об этой аванюре см.: Галушко О. «Был и я среди донцов...»: Литература рекомендательно-библиографического указателя, воссоздающая картины пребывания А. С. Пушкина на Дону // Вехи Таганрога: Историко-литературный альманах. 1999. № 1. С. 43. Этот перечень, содержащий 26 (!) номеров, далек от полноты. В него не вошли в частности следующие публикации: Пушкин — российский пророк // Аргументы и факты. 1991. Ноябрь. № 47 (580). С. 1; Глушков Н. Донская тайна поэта // Кавказский край. 1993. 2–8 авг. № 31. С. 8–9; Титкова М. Поэт — философ — ученый? // Свободная зона. Калининград, 1994, 14 окт. С. 5.; Лобов В. М. Дон-Жуанский список 1829 г. и Донской архив Пушкина. Ростов н/Д, 1996; публикации в журн. «Юность» (1997. № 6. С. 86–89; № 9. С. 68–71); Ткаченко П. И. Таганрогский «архив Пушкина», или Будет ли в России революция в 1998 году // Моск. журнал. 1998. № 6. С. 5–13; материалы (интервью с Н. Н. Скатовым, С. А. Фомичевым и А. М. Панченко, статья Л. Доды «Донская тайна Пушкина») в журн.: Жизнь национальностей. 1999. № 2/3. С. 5, 10–16. Несомненно, существует еще множество неучтенных выступлений в печати, касающихся этой дилетантской топорной подделки.

⁴³ См.: Краснобородько Т. И. История одной мистификации: (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 277–289; Швецова Е. О рыцаре Айвенго, тверских Раменских и об Александре Сергеевиче: [Интервью с Т. И. Краснобородько] // Невское время. 1993. 25 сент. С. 3.

ведений (не случайно «хранители» «донского архива» ссылались на доброжелательный о себе отзыв — хотелось бы надеяться, ими придуманный — В. С. Непомнящего). На очищенном от занудных, «мелкотравчатых» позитивистов обширном пространстве наберет зрелую силу разнуданный и нескончаемый шабаш гипотез и концепций, порождаемых сном разума, ничем не сдерживаемой фантазией и желанием отличиться. Основным методологическим принципом станет выдумка, послужившая, в том числе, «философской критике» главной опорой при ее зарождении (Д. С. Мережковский широко привлекал в своих рассуждениях те части мемуаров А. О. Смирновой-Россет, которые, как было потом неопровержимо доказано, сфальсифицировала ее дочь) и давшая толчок вхождению в пушкинистику В. С. Непомнящего, о чем он сам говорил в своем интервью «Этой тишины не наслушаться».⁴⁴ В ученой мантии станут щеголять глупость и бесвкусица, будут умножаться пассажи, подобные следующему: «Очень хочется верить, что среди ныне живущих зайцев на территории Заповедника обитают и потомки того легендарного зайца, который уберег великого русского поэта от участи попасть на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года».⁴⁵ Разгуляется журналистский дилетантизм и эпатаж, разойдется во всю мощь коммерческая халтура. Этого напора, уже и сегодня очень сильного, может не выдержать Пушкин «высших ценностей», что предвидят и чего страшатся сами его искатели.⁴⁶ «Бойтесь „пушкинистов“», — воскликнул накануне прошедшего юбилея некто В. Исаченко в одной газете, и с ним нельзя не согласиться.

⁴⁴ «Первую <статью> я напечатал в 1962 году в „Вопросах литературы“ (а работал тогда как раз в „Литературной газете“). Она была о „маленьких трагедиях“ и называлась ужасно красиво: „Симфония жизни: (О тетралогии Пушкина)“. Лакшин говорил: „Познакомьтесь, он придумал тетралогию“» (ЛГ. 2001. № 15. Курсив мой. — В. Р.).

⁴⁵ Пушкинская михайловская энциклопедия: (материалы): Михайловское, Тригорское. М., 2001. С. 105 (Михайловская пушкиниана. Вып. 13). Остается жалеть, что автор статьи «Клопы да блохи» (Онегинская энциклопедия / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М., 1999. Т. 1. С. 519), насыщенной полезной и необходимейшей каждому вдумчивому читателю «Евгения Онегина» информацией, не стал искать в щелях бывшего Демутова трактира останков клопа, которому выпала честь укусить останавливавшегося там Пушкина. Какая бы открылась тема для генетических исследований! Сколько содержательных конференций можно было бы провести! Чем не тема: «Семиотический анализ маркирования гендерных инвариантов аутомнального багбайта в болдинском метатексте?»

⁴⁶ См. статью И. З. Сурат, указанную в сноске 6.

Конечно, статья глухим заслоном на пути мощного вала не в состоянии малочисленное, ослабленное и со всех сторон критикуемое академическое пушкиноведение, да и не должно пытаться, потому что всё это — закономерные формы современного восприятия Пушкина, отражающие духовное, интеллектуальное и нравственное состояние общества, его искания, стремления и традиции. Однако хранить, защищать и доводить до широкой аудитории реального, исторического Пушкина академическое (позитивистское) пушкиноведение может — и эту миссию оно должно на себя взять. Справедливо сказано: «...сейчас чрезвычайно важно значение академической науки, строгой, фактичной, которая могла бы противостоять невероятной пошлости. Пушкину сегодня предстоит очень тяжелый этап.»⁴⁷ Если же осуществятся надежды ниспровергателей и «питерское, академическое, строго филологическое» пушкиноведение окажется полностью вытесненным пушкинистикой «московской», тяготеющей «к философичности, к более свободной манере», к работам «поэтически своевольным», «наивным, взлохмаченным, порой с нелепостями, но и с замечательными прозрениями» (ЛГ. 2001. № 15), то, как минимальный убыток казне, никогда не будет доведено до конца издание многострадального базового, фундаментального полного собрания сочинений Пушкина и столь же многострадальной «Пушкинской энциклопедии», а их место займут всякого рода громогласно заявляемые многообещающие «проекты», издаваемые подчас в роскошной упаковке (иногда впрочем и скромно, даже убого), но своим содержанием не отвечающие стандартам науки. «Решить задачу подготовки и издания полного Пушкина <...> под силу только академической науке».⁴⁸

Не все испытывают светлые и радостные надежды при виде бродящего в методологическом и прочих тупиках академического пушкиноведения. Есть и те, кого это печалит, и свою тревогу, озабоченность и даже скорбь они выражают по-разному.

Одни льют горючие слезы, читая спокойные, без интерпретационных вывертов энциклопедические статьи о стихотворениях Пушкина, и теряют от огорчения сон, и мучаются недобрыми предчувствиями... Но находятся люди, способные вывести заблудших на правильный путь, они принимаются нешумно исправлять написанное

⁴⁷ Скотов Н. Н. «Пушкин сам за себя постоит» // Жизнь национальностей. 1999. № 2/3. С. 5.

⁴⁸ Скотов Н. Н. Драма одного издания. С. 494. Продолжение этой фразы («...под силу только академической науке, действующей в рамках академических, то есть государственных структур») представляется далеко не бесспорным.

петербургскими несмысленщиками, запараллеливают Пушкина через птичку с Богом и, убежденные в полной интеллектуально-эмоциональной беспомощности читателя, обратившегося к стихотворению «Когда в объятия мои...», спешат разъяснить ему глубинную, так сказать онтологическую, сущность отношений мужчины с женщиной, когда его стесненные руки заключают ее стройный, гибкий стан. Движимые лучшими намерениями пишут они для петербургских неумех образцы и предлагают их как своего рода пушкиноведческий стандарт, нисколько не задумываясь о том, что имеют право существовать другие мнения, выходить издания, в основу которых положены иные представления о том, что должен найти в энциклопедии читатель.

Многим пушкиноведение представляется странною, где копошатся ныне лилипуты, пришедшие на смену населявшей ее прежде, в золотой век, расе бробдингегов. На самом исходе XX столетия и II тысячелетия, в черный для академического пушкиноведения день 29 ноября 2000 г., разгневанный ученый муж громогласно возгласил, что «нынешние пушкинисты в подметки не годятся своим великим предшественникам» — и промолчал ареопаг, которому эти слова были обращены, подав тем самым знак своего полного согласия со столь изящно, с соблюдением всех правил и традиций академического политеса сформулированной оценкой труда своих коллег. Никто не напомнил знатоку обуток великих пушкинистов, что из материала, на подметки не годного, могут получиться прекрасные голенища. Промолчали потому, что высказанное долго уже носится в воздухе, ухо к мелодии привыкло и не слышит ее более, слова вьелись в сознание, в их смысл никто не вдумывается, но бубнят и бубнят «со всех крыш»⁴⁹ затверженное:

Да, были пушкинисты в прежнее время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Недавно в мелодии, под которую произносится причитание, появились новые модуляции. По случаю постигшей пушкиноведение невозместимой утраты «Новое литературное обозрение» объявило об уходе из жизни «последнего пушкиниста»,⁵⁰ — и пошла гулять эта

⁴⁹ Так сказано о меньшевиках в бессмертном «Кратком курсе истории ВКП(б)». Почему меньшевики залезали на крыши, чтобы оттуда прокричать свои речи, там не пояснено.

⁵⁰ «Андрей Григорьевич Тартаковский с пугающей частотой, особенно в последний год своей жизни, возвращался в разговорах со мной к одной мрачной теме: „Вы же понимаете, что Вацуру — последний пушкинист, что будет,

очередная хлесткая формула, навеявая апокалиптический ужас.⁵¹ Но и при жизни замечательного ученого В. Э. Вацуру пели ту же песню про великих пушкинистов, с которыми в нынешнем поколении некого сравнить, и, разумеется, никто его в заявлениях такого рода из ничтожного поколения не выделял, так что и он попадал в число пигмеев. И при жизни Ю. М. Лотмана ее тянули, и при жизни Н. Я. Эйдельмана тоже. Так кого же она имеет в виду? Некое абстрактное, не имеющее ни имени, ни трудов ничтожество?

В каждом поколении людей всех занятий и всех профессий: художников, промышленников, композиторов, писателей, ученых, коммерсантов, изобретателей и пр. и др. — есть звезды разной величины, и каждая занимает свое место в общей системе. Что такое в масштабах мироздания, среди 100 миллиардов звезд нашей галактики, желтый карлик по имени Солнце? Сравним ли он по величине или светимости с какой-нибудь Капеллой А или β Ориона? А что значит он для закоулка Вселенной, называемого Землей, которую он освещает и обогревает! Так и ученый, занятый пусть даже какой-то частной областью и успешно решающий находящиеся в ее пределах вопросы, исполняет важную роль и заслуживает уважения, а не грубых, невоспитанных сравнений.

Пушкиноведение и пушкинистика имеют общее поле приложения сил и талантов. Оно обширно, и возделывать может всякая своя большой или малый участок, не мешая друг другу и не изгоняя соседей. Нужно выращивать и скромные, но питательные корешки, и роскошные, источающие обольстительные ароматы, но недолговечные верхушки — казне всё потребно. Каждому поколению пушкиноведов и пушкинистов дано решать свои задачи и выполнить свою работу, она не остановилась, не прервалась и, нужно думать, будет продолжаться с переменным, как обычно, успехом, с периодическими вспышками и затуханиями, с появлением светил разной величины, но непременно и очень ярких. Скольким же подметкам великого пушкиниста и какого именно каждое из них равно, будут решать время и потомки, если, конечно, они примут этот абсурдный эталон.

когда он уйдет: ведь пушкинистика прервется»». (К портрету пушкиниста: Из переписки В. Э. Вацуру с Т. Г. Цявловской / Публ. С. Панова // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). С. 48).

⁵¹ Прочитированный в предыдущей сноске пассаж дословно повторен (и слово «пушкинист» напечатано с заглавной буквы) в статье: Панов С. От редактора // Эйдельман Н. Я. Статьи о Пушкине. М., 2000. С. 25. Ср.: «последний великий пушкинист» (Нелзер А. Право на воздух: Год назад умер Вадим Вацуру // Время новостей. 2001. 31 янв.).